

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КОНТЕКСТА И СТИЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Л.С. Пихтовникова

Любой вид перевода, т.е. передачи информации текста средствами другого языка, означает одновременное выполнение нескольких лингвистических задач. Первая и главная задача – адекватная передача контекста, т.е. законченного смысла текста. В каждом конкретном случае передача контекста – сложная творческая задача для переводчика, особенно, если текст содержит иносказания. Но так или иначе, актуальное членение смысла, его структура в контексте зафиксированы в теме и реме [1, 148], [2], а также в распределении по теме и реме всех денотаций и коннотаций языковых единиц. Сохранение именно этих структур и означает адекватный перевод.

Вторая важнейшая задача – сохранение стиля и композиции текста. В некотором смысле эти два понятия неразделимы, однако их конкретизация в тексте проявляется по-разному. Стиль текста можно обнаружить, исследовать и передать благодаря наличию его «следов», т.е. стиливых черт [3]. Различные функциональные, а также индивидуальные стили и их сочетания проявляются в стиливых чертах, которые оцениваются переводчиком, и далее – конкретизируются в корпоративной лексике, фразеологии, синтаксисе и т.д. Названия стиливых черт (краткость, пространность, логичность, образность, экспрессивность и т.д.) – во многом устоявшиеся, общепринятые. Не следует без необходимости увеличивать их количество. Однако это не исключает введения новых стиливых черт с новыми названиями, если они отражают суть того или иного стиля. Так, например, при лингвистическом анализе и переводе драматических произведений, чтобы учесть авторский стиль, накладывающийся на речевые стили персонажей, приходится вводить стиливую черту «интегрированность». Она отражает авторское стиливое пространство пьесы, объединяющее действующие лица. Таким стиливым пространством может быть риторическое пространство (в античных драмах), поток сознания у постмодернистских авторов, сонги (нечто среднее между пением и декламацией) у ряда авторов (пьесы Б.Брехта, Г.Х.Андерсена и др.). Стиливая черта «интегрированность» ориентирует переводчика на ее сохранение в лексике, фразеологии, композиции и пр.

Композиция является неотъемлемой частью стиля, проявляется в тексте не только в виде формального членения (архитектоника) или актуального членения (тема-рема), но также в ролевом или событийном членении (субъект-объект). Для композиции важна также взаимосвязь между формальным, формально-содержательным, содержательным, образным уровнями текста [4].

В качестве примеров приведем перевод басен Г. К. Пфедфеля (XVIII век) [5].

1 *Die Greifen*

*Der wilde Kaukausus gebar
Zur Zeit des Altertums in seinen Schlunden
Die Brut der Greifen, eine Rauberschaar
Mit Flugein, die wir nicht bei dem Linnaus finden.
Sie stahlen nach dem strengsten Recht,
Indem sie, wo sie nur auf einen Vogel stiessen,
Dem Adier wie dem Spatz, dem Strausse wie dem Specht,
Die Federn aus den Schwingen rissen.
Ein biedrer Faun, der einst den Unfug sah,
Trug Mitleid mit den armen Tieren
„Banditen“, riefer aus, „was macht ihr da?“ ~
„Ei nun!, versetzten sie, „wir reformieren“.*

Грифы

*Дикий Кавказ в недрах темных ущелий
Выводок грифов родил для неведомых целей
Шайки разбойников с крыльями, - шире, чем черные ночи,
Грабят общины, где крылья короче.
Дятлы, Орлы, Воробьи и Другие Пернатые
Грифов безжалостных – жертвы крылатые
„Банда“ – сказал козлоногий свидетель,
Честный Сатиp, угнетенных Радетель.
„Нет“ – отвечала разбойничья шайка,
„Мы – Реформаторы, нам не мешайте!“
(здесь и дальше - вольный перевод автора статьи)*

Композиция басни достаточно проста. Тема этого текста содержится в двух первых строках, остальное относится к реме. Архитектоника басни сводится к отсутствию строфичности. Ролево-событийное членение текста также очевидно ввиду его линейной подачи. В денотативном значении употреблены такие слова и сочетания, как «темные ущелья, неведомые цели, крылья, Дятлы, Орлы, Воробьи, Пернатые, банда, Радетель угнетенных». В коннотативном – «дикий Кавказ, выводок Грифов, шайка разбойников, черные ночи, общины,

жертвы крылатые, козлоногий свидетель, честный Сатир, реформаторы». Традиционно, в переводе денотаций меньше свободы, чем в переводе коннотаций.

В сохранении стиливых черт оригинала при переводе убедимся на примере таких стиливых черт, как «относительная краткость» и «динамичность». Первая стиливая черта выражена в оригинале и переводе короткими предложениями, отсутствием описаний, скудностью эпитетов. Динамичность представлена быстрой сменой реплик, неожиданной кульминацией (мы – реформаторы ...) и сжатым описанием хроники событий (Кавказ родил Выводок, и вот он уже грабит и реформирует). Все это в полной мере сохранено в переводе.

2 **Die Bienen**

*Einst fuhr der Geist der Politik
In einen Bienenkorb, Da ging es an ein Schwärmen;
Der Eifer für die Welt und für die Nachwelt Glück
Schien jede Brust und jeden Kopf zu wärmen;
Und auch das kleinste Glied der kleinen Republik
Drang sein Recept ihr auf. So dauerte der Lärmen
den ganzen Sommer durch. Der Arbeit strenge Pflicht
Kam völlig aus der Acht. Dies kränkte die Matronen
Von altem Schrot und Korn. Mit mütterlichem Schonen
Und mütterlichem Ernst im strafenden Gesicht
Ermahnten sie den Schwarm: vergesst die Wirtschaft nicht!
Allein umsonst; man machte Motionen
Zum Wohl des Staats, bis Reif und Schnee verbot,
Nach Proviant zu gehn; dann stellte sich die Noth
In allen Zellen ein. Von blinder Wuth getrieben,
Bekriegten sie sich selbst, und was dem Krieg entrann,
Das hatte bald ein schlimmerer Tyrann,
Der därre Hunger, aufgerieben.*

Пчелы

*Случилось, Дух Политики (проныра!)
В пчелиный улей залетел,
И тот час о спасеньи всего мира
Явить заботу каждый захотел.
Рецептами наполнилась пчелиная квартира,
В пустом жужжаньи было не до дел,
Труды обычные все преданы забвенью.
Пчелиных маток дразнит беспредел,
Они рекли: жаль, что пришел конец раденью,
Но чтите экономику, чтоб склад не опустел.
Напрасно: речи в пользу государства
Лились, пока мороз не сотворил препятства
За провиантом в лес ходить всем братством.
Тогда в ячейках наступила бедность,
Слепая ярость и война,
И то, что не сгубила битвы беспредметность,
Снискало худшего тирана –
Голод, нищету без дна.*

Композиция и актуальное членение этой басни в точности, буквально повторяют композицию и актуальное членение предыдущей басни. В отличие от «Грифов», в «Пчелах» почти нет денотативных значений слов. Их всего три: пчелиный улей, мороз, голод. Остальные слова употреблены в коннотации. Стиливые черты этой басни отличаются от стиливых черт «Грифов». В «Пчелах» динамичность снижена пространственными объяснениями и дидактичностью, отсутствием реплик. Краткость как стиливая черта также отсутствует. По сравнению с «Грифами» в «Пчелах» на первый план выходит такая стиливая черта, как дидактичность. Мораль басни хотя и имплицитна, но прозрачна. И все же, дидактика басни подана в цепи слов и выражений, выстроенных для нарастания эффекта от причины к кульминации: залетел Дух Политики – улей наполнился рецептами – речи в пользу государства – погодные препятствия – война – голод и нищета. Для сохранения стиливой черты в вольном переводе на русский язык в басне добавлены слова «проныра, ……».

3 **Der Krebs**

*Ein Krebs, dem eine Fey, an deren Schloss
Ein klarer Bach vorüberfloß,
Die Tischgesellschaft zu ergötzen,
In seinem roten Wamms, das Leben wiedergab,
flog aus der Elfe Hand ins nasse Reich hinab.*

*Die Brüder grüssten ihn mit freudigem Entsetzen;
Besonders reizte sie sein Kardinalshabit.
« O, wäre uns doch», so rief, halb unzufrieden,
Halb staunend, einer aus, «ein gleicher Schmuck beschieden!»
«Dazu gelangt man leicht». - «Ha, Freund, heraus damit!» -
«Man lässt sich nur lebendig sieden».
Du wünschst dir den blendenden Ornat,
Der deinen Nachbar schmückt, zu tragen.
O! laß zuvor dir im Vertrauen sagen,
Wie viel er ihn gekostet hat.*

Рак

*На потеху хмельному застолью
Оживила волшебница рака
И в прозрачный ручей возле замка
Опустила в пурпурном камзоле,
Изумленно спросили собратья,
Кардинальским нарядом пленимы:
''Вот и нам бы подобное платье
Но скажи, друг, мечты достижимы?''
''Ваших целей нетрудно добиться''. -Рак ответил.
''Живьем только надо свариться!''
Вы б хотели нарядное платье,
Что надето на плечи соседа,
Так позвольте напомнить вам, братья,
Чего стоит такая победа!*

Как и в предыдущих баснях, здесь достаточно просто выделить тему и ремю, денотации и коннотации языковых единиц. Стилевые черты басни «Рак» - относительная краткость и динамичность – сохранены в переводе. Присутствует также стилевая черта «дидактичность», выраженная эксплицитной моралью в последней строфе. Некоторая сложность перевода этой строфы в том, что она формально содержит авторскую мораль, а по содержанию это несобственно-прямая речь.

Приведенные выше басни написаны в 18-м веке. Для передачи стиля языка этой эпохи необходимо было также употребить лексику и фразеологию «высокого штиля», характерную русскому литературному языку 18-го века.

Описанный план перевода обычно выполняется при переводе с языков, имеющих сходную структуру. Переводы научно-технических, общественно-политических и др. текстов также обычно следуют такому же плану. Однако картина меняется при переводе с языка, имеющего иную структуру. Здесь важно осознанно понимать изложенный план, особенно если его приходится видоизменять.

Например, структура японского языка такова, что в тексте нередко бывают инверсированы тема и рема. Приведем пример типичного описания японского патента [6, 328]. Буквальный перевод японского текста выглядит так:

Описание сути изобретения

Для этого между деталью и раствором вызывают разряд, создающий нагрев, и используя его тепло, проводят закалку. При этом настоящее изобретение отличается тем, что для улучшения способа закали деталей в растворе смешивают мочевины и углеводороды при высокой температуре в электролите, вызывают электрический разряд и проводят цементацию, азотирование и закалку.

В столь непривычном для европейца построении текста нелегко без опыта отыскать тему. Она заключается в словах «Настоящее изобретение отличается тем, что для улучшения способа закали деталей в растворе ...». Все остальное является ремой.

Таким образом, адекватная для европейца передача контекста происходит при изменении композиции:

Описание сути изобретения

Настоящее изобретение отличается тем, что для улучшения способа закали деталей между раствором и деталью вызывают разряд, создающий нагрев и используя его тепло, проводят закалку. При этом в растворе смешивают мочевины и углеводороды, которые выделяют азот и углерод при высокой температуре в электролите, вызывают электрический разряд и проводят цементацию, азотирование и закалку.

Стандартные признаки технического текста – преимущественное употребление языковых единиц в их денотативном значении. В приведенном примере описания патента это соблюдается. Стилевые черты данного функционального стиля – краткость, логичность – при переводе не нарушаются с той лишь оговоркой, что «логичность» изложения для европейца выглядит несколько иначе, чем для японца.

Изложенный выше план перевода в значительной мере опирается на субститутивно-трансформационный подход. Моделирование перевода при этом подходе сводится к нахождению систем лексико-грамматических и композиционных трансформаций и замен [7, 8]. Однако данный подход совершенно недостаточен для адекватного перевода фразеологизмов, паремий, метафор. Здесь приходится использовать дополняющую концепцию перевода – деятельностный интерпретативный подход [8], акцентирующий внимание на том, что

переводчик сам принимает решения при подборе текстового эквивалента, адекватно передающего контекст. Безусловно, при этом оказываются полезными различные лексикографические данные об эквивалентах пословиц, афоризмов, народных примет, фразеологизмов. Однако, утверждение о том, что подобные лексиконы являются чуть ли не единственным полезным инструментарием [9, 3], кажутся нам неоправданными. Любой словарь, любой лексикон слегка или очень отстают от жизни. В то же время деятельностный подход к переводу всегда может сочетаться с трансформационным, поскольку они взаимно дополнительные по определению. Приведем два примера.

1) *Auch unser Weizen wird einmal blühen.* Дословно: И наша пшеница будет цвести. Находим достаточно эквивалентный перевод этой пословицы: *Будет и на нашей улице праздник!* [10, 3]. Реконструкция процесса этого перевода показывает, что при подборе эквивалента (осознано или неосознанно) внимание было правильно акцентировано на коннотативном значении слова «цвести». Поэтому оно трансформировалось в русскую коннотацию слова «праздник». Остальное уже было извлечено из хранилища готовых блоков-паремий.

2) *Eigenlob stinkt.* Дословно: Самовосхваление дурно пахнет. Здесь же дан не достаточно эквивалентный перевод [10, 8]: *Гречневая каша сама себя хвалит.* Если взять совпадающие части дословного и предложенного перевода (самовосхваление и самое себя хвалить), то остальное в дословном и предложенном переводе (дурно пахнет и гречневая каша) – не имеют общих коннотаций. В этом и состоит ошибка перевода. Здесь лучше подошел бы другой русский эквивалент: *Себя хвалить – черту кадить!*

Изложенные попытки планирования процесса перевода не исчерпывают всех случаев и не могут заменить собой творческий труд переводчика. Они – лишь попытки осмысления подходов к переводу.

ZUSAMMENFASSUNG

Im Artikel ist das Problem der Bewahrung des Inhaltes eines Textes, seiner Komposition und Stützige bei der Übersetzung betrachtet. Die Untersuchungen wurden im Rahmen der Transformations- und Tätigkeitsherangehensweise an die Übersetzung unter Berücksichtigung der Methodik der aktuellen Gliederung und der Analyse nach Stützigen sowie nach der Komposition des Textes durchgeführt. Als Textquellen wurden Fabeln, Sprichwörter und eine Patentbeschreibung herangezogen.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.:Наука, 1986. – 206 с.
2. Трофимова Э.А., Паламарчук Н.Т. О видах связи в абзацах, содержащих фактуальную и подтекстовую эмоционально-экспрессивную информацию // Образные и экспрессивные средства языка. – Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 1986. – С.108-117.
3. Ризель Э.Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение (на материале немецкого языка) // Иностранные языки в высшей школе. – 1961.- №3. – С.96-103.
4. Пихтовникова Л.С. Композиционно-стилистические особенности стихотворной басни (на материале немецких стихотворных басен 18 в.): Дис. . . канд. филол.наук. - Специальность 10.02.04 – германские языки. – Киев: Киевский педагогический институт иностранных языков, 1992. – 338с.
5. Pfeffel G.C. Fabeln und Erzählungen / hrsg.v.H.Hauff. - Stuttgart und Tübingen: Verlag der J.G.Cotta'schen Buchhandlung, 1861. - 1.Bd. - 308 S.
6. Шевенко С.М. Пособие по переводу японских научно-технических текстов. – М.:Наука, 1974. – 403 с.
7. Шевченко И.С. Герменевтический аспект перевода как вторичной метакоммуникации // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. – 2003. - № 609. – С.7-11.
8. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 160 с.
9. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. – М.: Русский язык, 2001. – 330.
10. Німецькі прислів'я та приказки. – Посібник для учнів старших класів та студентів вузів. / Упор. Костюк П.М. – Київ:Радянська школа, 1963. – 252 с.